

Александр А. Локшин

БОЛТОВНЯ ГЛУХОНЕМЫХ

Сборник стихотворений

4-е издание,
исправленное и дополненное

Москва – 2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4
Л73

Локшин, Александр Александрович.

Л73 Болтовня глухонемых : сборник стихотворений /
А. А. Локшин. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : МАКС
Пресс, 2019. – 120 с.
ISBN 978-5-317-06221-7

Александр А. Локшин родился в Москве в 1951 году, по образованию математик, сын композитора А. Л. Локшина (1920–1987). В сборник включено около 120 стихотворений, написанных в разные годы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-317-06221-7

© Локшин А. А., 1998
© Локшин А. А., 2019, с изменениями
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Баевский. Меня приговорили жить.....</i>	<i>4</i>
От автора	8
БОЛТОВНЯ ГЛУХОНЕМЫХ	9
ЛИЦО НЕИЗБЕЖНОСТИ.....	12
ТИХИЙ ГОРОД.....	15
КУСТ ГЕРАНИ	18
ОСТРОВ	20
ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ.....	22
ТЕЛЕФОННЫЙ ДРУГ	23
В ЛАБОРАТОРИИ	25
СТРАННАЯ НОША	30
ВОРОХ ЧУВСТВ.....	37
ПЕРЕВОРОТ	42
ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	44
ЕЩЁ ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	45
ПЛЯШУЩИЕ СТРОКИ.....	47
СТИХИ ИЗ ПРОШЛОГО	52
ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО	56
ВОСКРЕШЕНИЕ СУМЕРЕК.....	60
ФЕЯ СЕНТЯБРЯ.....	66
ЛОВЕЦ МЫСЛЕЙ.....	77
ОДИННАДЦАТЬ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ	84
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ.....	91
ИЗ ВЕРЛЕНА	103
ПРОЩАНИЕ СО СТИХАМИ	109
ПОВТОРНОЕ ПРОЩАНИЕ СО СТИХАМИ	116

МЕНЯ ПРИГОВОРИЛИ ЖИТЬ

(Предисловие к первому изданию)

Название книги стихов А. Локшина «Болтовня глухонемых» восходит к Тютчеву:

*Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой...*

Тютчев – поэт трагический. В его представлении человек одинок. Его существование, говоря словами Хайдеггера, – это бытие-над-бездной. Стихи Локшина подключены к линии высоковольтной передачи, тянущейся к нашим дням оттуда, через полтора столетия русской культуры. «Безумие» у Тютчева. *Ум, едва заострившийся, населяющий этот бедлам*, у Локшина. *Мы жильцы сумасшедшего здания*, – настаивает он. Иногда автор вместе со своим героем испытывают облегчение: вроде бы безумие миновало:

*мой рассудок вне опасности,
и не надо пить таблеток.
За решеткою психушечной
Мне посиживать не велено <...>*

Печать смерти лежит на поэзии Тютчева. Локшин изучает *То выражение лица, что посещает мертвеца*. У Тютчева временами *жизнь, как камней гряда, Лежит на нас*. Современный поэт сообщает: *Меня приговорили жить <..>* Он настаивает: *я жить приговорен, и сам же приговор свой исполняю <...>* Испытание самоубийством в знаменитых стихах воспел Тютчев (и подхватил эту тему Брюсов). *Самоубийство, как змея, внезапно выползло из шкафа*, – передаёт нам свое видение Локшин. Вполне в духе Тютчева лаконизм и афористичность его стихов: *Я непонятно кто. Я только тень, рисунок, скупой ночной узор.*

Сопоставление с поэзией Тютчева можно было бы продолжить; от неё идет ток высокого напряжения. Однако поэтесса Локшина другая. Тютчев слышит беседу глухонемых – до Локшина доносится их болтовня. У Тютчева временами почти одический стиль, церковнославянизмы, риторические обращения, вопросы и восклицания, несущие память о XVIII веке. Современный поэт весь в быте, он не провозглашает, а бормочет. Так странно встречать тютчевские темы, переданные лексикой и скороговоркой наших дней. Той же доминанте подчинены аллитерации на шипящие и, позволим себе сказать, рычащие звуки. В одном тексте состоящем всего из восьми стихов, находим: *обостряется, ищущий, беспризорный, свищущий, образующий, шум, чего, спившийся, непригодный, серьезным, заострившийся, населяющий*.

Впрочем, следы повышенного стиля, неожиданные церковнославянизмы поджидают нас и здесь, в поэзии конца XX века. К ущербному облику жалующегося, страдающего, рефлектирующего условного автора так идут страдательные причастия:

*Я какой-то ушибленный,
дуновеньем колеблемый, зыблемый,
сам себе не тождественный,
в униженье торжественный <...>*

Это всё рифмы дактилические, вызывающие впечатление незавершённости, неустоя, как сказал бы музыковед. В других случаях Локшин идёт ещё дальше и вводит гипердактилические рифмы (*жимолости : живописью; панического : анатомического*). Инструментами анаграммирования являются рифмы-манекены, по терминологии Ф. де Соссюра, в которых одно из рифмующих слов как бы обволакивает другое (*неизбежности : нежности; хохочет : хочет*).

Замечательно уместными представляются рифмы тавтологические. Они, как и стоящая за ними личность, скромны до предела, как бы ни на что не претендуют. Их много в книге, они – важный элемент системы. Вот только один пример. Стихотворение, чуть ли не единственное, в котором угадываются приметы времени, да ещё такие страшные, как тотальный надзор и аресты, завершается тройной тавтологической рифменной серией, нагнетающей безысходность:

*Здесь, в глуши, в стране навета,
здесь живет лишь тень поэта,
самого же нет поэта,
много лет уж нет поэта...*

Какая горечь: вместо официального штампа *Страна Советов* приходится говорить: *страна наветов*.

Книга Локшина вроде бы невелика по объёму, но мы не скажем, что это небольшая книга: она невелика по количеству строк и страниц, однако плотно насыщена образами, мыслями, эмоциями. (Опять приходится вспоминать Тютчева, на этот раз надпись Фета на книге его стихотворений:

*Но муза, правду соблюдая,
Глядит – и на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.)*

Книгу Локшина открывают стихи лирические, далее следуют «Стихи для детей», в конце пять переводов из Верлена. «Стихи для детей» – столь же трагическая лирика, как и предшествующие им тексты, только в детской упаковке. Приблизительно то же самое следует сказать о вариациях на темы Верлена. Это предельно свободное переложение французских стихотворений в духе русской традиции поэтического перевода, когда переводчик – не

раб, а соперник автра, когда приблизиться к духу оригинала – значит отойти от его буквы. Заметим, что один из текстов, пересозданных Локшиным по-русски, когда-то привлёк внимание Пастернака, который заимствовал из него в качестве эпиграфа стих *Est-il possible, – le fût-il*. В текстах Локшина проступают черты человека слабого, неуверенного в себе, но это образ, таким не может быть поэт. Поэзия требует мужества, силы, готовности к риску. Один из текстов, озаглавленный «Первое стихотворение», приоткрывает нам именно такого автора. Текст это воспринимается как программный. Герой стихотворения перебрасывается словами с другом. Друг, художник средней руки, настроен скромно: где уж мне замахиваться на большое серьёзное полотно? Мне бы изобразить маленький уголок пейзажа. А поэт вдруг говорит, – может быть, неожиданно для себя:

*<...> я твёрдо знал, что с пером в руке,
с полужакрытыми веками,
нарисую весь мир на измятом листке
до последней заваливающей молекулы.*

Весь мир. И на меньшее он не согласен.

В. Баевский

[Смоленск, 1998]

ОТ АВТОРА

После первого издания объем книги значительно увеличился. Один стих, с небольшими изменениями, был перемещен в раздел «Из Верлена», где теперь не пять, как писал В.С. Баевский в своем предисловии, а шесть стихотворений. (Впервые в расширенном виде верленовский цикл был издан в Мастерской на портале Евг. Берковича.) Книга переиздавалась также в 2003 году (МАКС Пресс) и, благодаря Д. Гаранину, в 2015 (Arcus). По сравнению с изданием 2015 года в тексты внесена небольшая правка и добавлено несколько новых стихотворений.

А. Локшин

Москва, 2019

БОЛТОВНЯ ГЛУХОНЕМЫХ

1.

Будущее слишком уж туманно...
Неужели будущего нет?
Будущее скользко и обманно,
а точнее, будущего нет.

Всё застряло в тягости мгновений,
только слышен в сумерках дневных
тихий топот с лестниц без ступеней
вместе с болтовнёй глухонемых.

1991–1995

2.

Мир омерзителен или же нет?
Или я сам омерзителен?
Как-то неясен, печален ответ
и, как всегда, приблизителен.

Это легко ли с собою носить:
кто же из нас омерзителен!
В сущности, некого даже спросить,
впрочем, вопрос унизителен.

1995

3.

Словно нос у покойника, ум
обостряется ищущий,
этот ум беспризорный и свищущий,
в голове образующий шум.

Для чего он, не спившийся,
непригодный к серьёзным делам,
ум, едва заострившийся,
населяющий этот бедлам?

1995

4.

Я какой-то ушибленный;
дуновеньем колеблемый, зыблемый,
сам себе не тождественный,
в унижение торжественный;

я какой-то расстроенный,
как собрание струн,
криво сшитый и скроенный
отвратительный врун.

1995

5.

То выражение лица,
что посещает мертвеца,
оно пришло из ближней вечности,
а может быть, из дальней вечности,
в нём есть печаль остроконечности
и тающая хитреца.

1995

6.

Мне не хочется умирать –
написал я в свою тетрадь.
Так тянул бы я эту нить,
не хотел бы гореть и гнить.

Я бы вам сочинил стихов,
потрясающих до основ,
там, где шепчется лес, ольхов,
где качается он, соснов.

1995

7.

Как мне придется умирать,
предугадать нетрудно.
Мокра последняя тетрадь,
перевернулось судно.
А я на судне капитан,
хоть это и паскудно.
И отчего-то в горле сушь,
и в небесах играют туш,
и под землёй играют туш,
а тут, увы, безлюдно.

1995

ЛИЦО НЕИЗБЕЖНОСТИ

1. Лицо неизбежности

Перед серым лицом неизбежности,
нависающим с низких небес,
расточая последние нежности,
старый кот на колени залез.

Что ему приготовил к обеду я
в запылившемся доме пустом?
Наши души обнялись, беседуя,
перевитые длинным хвостом.

Мы жильцы сумасшедшего здания,
что в неведомый край забрело,
где назначено наше свидание
и где время проститься пришло.

Проживаются годы последние
или счёт на недели идёт,
омерзительней всё и победнее
неизбежности голос поёт.

1991–1995

2. Мне не солнечно

Мне не солнечно, а пасмурно
в суматошный месяц лета,
мой рассудок вне опасности,
и не надо пить таблеток.

За решёткою психушечной
мне посиживать не велено,
деревянные верхушечки
о любви поют мне зелено.

Вот уже мне и не пасмурно,
а лишь грустно и туманно,
словно я один, без паспорта,
посредине океана.

1994

3. Приговор

Меня приговорили жить
две кошки серые, как тени две ночные.
Кормить их должен я,
ну как вам объяснить?

Задумаюсь, бывало, о петле,
и тут же вспоминаются две кошки,
тревожные, как тени две ночные,
притихшие в единственном числе.

Поэтому я жить приговорён,
и сам же приговор тот исполняю,
и каждый день, как муху, отгоняю
ту мысль звёздную.

1995

4. Зритель

Это мгла-с.

Улеглась на окраину самую глаз,
и с подножья пустынного носа
по моей голове безволосой
в океаны ушей набралась.

Я жилец этой мглы,
вездесущей, бессмысленной мути,
в стенах черепа, словно в каюте,
тихий зритель прибытия мглы.

1995

5. Оцепенение

По закону естественной убыли
убывают талант и душа;
что там падает – волосы, зубы ли,
постоянно под туфлей шурша?
Ни стихов уже больше не пишется,
и не хочется видеть людей,
всё мне странно, что скачет и движется,
я беззвучно застыл, как злодей.

1995

ТИХИЙ ГОРОД

1.

Тихий город полон пустот.
Исчезает то этот, то тот.
Вместо них, перед кем робел,
или этих, кому кивал,
там и сям навстречу пробел.
Или машет шляпой провал.

1996

2.

Самоубийство, как змея,
внезапно выползло из шкафа.
Забыл о нём и думать я,
но выползло оно из шкафа.

А впрочем, я подслеповат –
то был всего лишь галстук пёстрый,
он показал язык свой острый
и тихо спрятался назад.

1996

3.

Расставались навеки
на углу у аптеки,
у закусочной, чайной,
повидавшись случайно.

Там за пылью витринной
мы простились как дети,
и балык осетринный
наш последний свидетель.

1996

4.

Как всегда, в последние разы
трудно обходиться без слезы.
На носу задержится слеза,
не желает с кончика слезать.
Рядом пёсик бегаёт, скуля.
Жизнь начинается с нуля.
Под ногами уличная грязь.
Солнце светит подлое, смеясь.

1996

5.

Я думал, что в ухо мне кошка мурчит,
а это мурчала собака.
Собака мурчит, и разлука горчит,
и странно всё это, однако.

И вот я дрожу, надеваю пенсне;
надеюсь, привиделось это во сне,
и лишь порождение мрака
мурчащая эта собака.

1997

6. Путешествие

Лет, наверно, через десять,
в благодатный летний месяц
сядешь ты на пароход,
что обратно поплывёт.

Пароход не будет быстрым,
привезёт тебя на пристань,
ты легко сойдёшь с него
в город сердца моего.

Ты велишь рулить шофёру,
обогнуть Воронью гору,
нашу гору у ручья,
где каштанов остря.

Не доехав до вершины,
смело выйдешь из машины,
прямо к дому подойдёшь,
а вокруг него – всё то ж.

Серый дом, как прежде, прочен,
только крепко заколочен,
да забиты номера.
Сам стоит он, как гора.

Пароход протяжным свистом
позовёт тебя на пристань,
по воде бежит бурун,
скоро ехать в Камерун.

Капитан под парусами,
с преогромными усами
дамам руку подаёт
и тихонечко поёт:

«Пароход не будет быстрым...»

1997

КУСТ ГЕРАНИ

1.

Как большой горшок герани,
он стоял на самой грани,
самой грани бытия.

Он стоял и думал: «Странно,
весь я будто куст геранный
здесь, на грани бытия.

Солнца огненное блюдце
тоже хочет поскользнуться
здесь, на грани бытия.

Там внизу, среди полыни,
буду ль я цвести отныне
у помойного ручья?»

1993–1999

2.

На окне моём бегония,
словно малая бегунья,
словно с ней плыву в вагоне я
и по ней вздыхаю втуне я.

На окне, на подоконнике
и поодаль, в палисаднике,
все цветы – как будто конники,
обезумевшие всадники!

Ну а я живу умеренно,
но пожалуй что не здорово,
стал душой похож на мерина,
а собой похож на борова.

авг. 2001

3. Послание

Случайная искра погасла в ночи,
упала и сразу погасла.
И ночь зашипела в огромной печи,
как тёмное, горькое масло.

И сонная тут же сомкнулась листва,
но отблеск неверного света
узрели испуганных два существа,
не зная, к чему бы всё это.

Быть может, для них специально неслось
послание в худой оболочке,
сгоревшее в воздухе, как повелось,
а им не досталось ни строчки.

1999

4.

Стихам, как письмам, нужен адресат.
Но только не тупое посвящение,
а тайное, скупое освещение,
что резкий луч бросает из засад.

Тогда стихов оцепенелый сад
внезапно оживает на бумаге,
и про любовь все рифмы голоса,
как кошки в мартовском овраге.

март 2000

ОСТРОВ

1. Отщепенец

Я вышиблен, выбит из мира людей,
как пьяница ночью из бара,
как будто я самый последний злодей,
отпетый злодей из кошмара.

Куда бы убраться за много морей
подальше от этого бара,
пристроиться как-нибудь в царство зверей,
поскольку я людям не пара.

июль 2000

2. Заклинание

Хорошо ослепнуть молодым,
хорошо оглохнуть в раннем детстве
или стать в младенчестве седым,
а не дожидаться бедствий.

Но ещё надёжнее – с ума
в материнской тронуться утробе.
Жизнь пройдёт тогда, как лёгкая чума,
говорю нисколько не во злобе.

1996

3. Остров

Вот закончу оформление виз
и поеду в заграничный круиз.

Там, на юге, среди тёплых морей,
остров ждёт, чтоб я приплыл поскорей.

Вот сойду я, как домой, с корабля,
а в кармане у меня – ни рубля.

В бар «У пальмы» не зайду, в казино,
и в трёхзвёздный не вселюсь грандотель.
Всё равно – ни денег нет на вино,
и в отеле не нужна мне постель.

Гиду сделаю приветик рукой,
кину в мусор, повертев, документ.
Здесь, на острове, желанный покой
наступает в самый первый момент.

Шляпу брошу на пустой парапет.
(Здесь, на острове, – кругом марафет.)
И пойду на дальний берег у скал,
что во сне я столько лет проискал.

2 марта 2000

4. Окраина

Травой зарастает окраина,
спускается вечер, и вот
прохожий с улыбкою Каина
уныло навстречу бредёт.
За тёмной оградой впадина,
заброшенный старый завод,
болотце, где сирая гадина
вчерашний ботинок жуёт.

2000

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

1. Нога

Лежала истина, нага,
как будто голая нога,
сухая, синеватая,
а мимо шёл куда-то я.

И я увидел свет ноги,
и крикнул: «Боже, помоги!
Я наступил на истину,
усыпанную листьями».

1994

2. Вечернее размышление

Бог кварков и лептонов,
смертей, любви и стонов
насочинял законов
лесов, берлог, притонов,
полутонов бетонов
и улетел, закаркав,
лептонов Бог и кварков.

1994

3. Я догадался

Я догадался: жизнь есть ловушка,
а тело, слышишь, это мышеловка,
любовь – отравленный, конечно,
скверный сыр,
ну а душа, она есть, в общем,мышь.
Простая это, в сущности, загадка.

1995

ТЕЛЕФОННЫЙ ДРУГ

1. Телефонный друг

Телефонный друг не дремлет,
он тоскует по ночам,
ухо тяжкое подьёмлет
к слабым тоненьким плечам.

Он и маленький, и хрупкий,
он следит за мной из трубки
и таится от лучей
человеческих очей.

Я обедаю, икая;
он прислушался, вникая.
Обзову его я: гад! –
и тогда он будет рад,
и душевное расстройство
вмиг запишет на устройство.

Телефонный друг опасный!
Что ты слушаешь напрасно
шёпот, хрюканье, признанья,
храп ночной, воспоминанья,
дрожь промозглую в кости
и последнее «прости»?

Зря ты делаешь всё это.
Здесь – в глуши, в стране навета,
здесь живёт лишь тень поэта,
самого же нет поэта,
много лет уж нет поэта...

1993

2. Считалочка

Полночь, навзничь, паралич.
Во дворе лежит Кузьмич.
На него упал кирпич.
Был он сволочь и стукач,
настежь, бестолочь, трепач,
немочь бледная, брюхач
и к тому же невезуч –
на него упал из туч
твёрдый, каменный кирпич.
Больше бедного не кличь:
полночь, навзничь, паралич.

1995

3. Письмо

Я найду такое место
(индекс – адрес – терминал),
напишу письмо про тесто,
чтобы каждый прочитал.

Встрепенулася невеста,
принимаясь за еду:
– Не пиши, дурак, про тесто,
наживёшь себе беду!

«Надо взять немного муки,
не спеша, добавить дрожжи,
после – вымучить раз в луке,
выйдет всё одно и то же...»

июль 2000

В ЛАБОРАТОРИИ

1. Хмурая женщина

Есть одна только хмурая женщина,
молчалива, худа и бледна,
роковою печалью увенчана,
словно тусклой короной она.

Для неё диссертации пишутся
в сумасбродном табачном дыму,
комплименты дешёвые слышатся...
Только всё это ей ни к чему.

И своею походкой небыстрою,
не наряжена, в старом пальто,
доведёт до сердечного приступа
и не ведает даже про то.

Отчего же ты, женщина, хмурая
в неприветливой думе своей
и казаться стараешься дуροю
в окружении умных людей?

Словно ты проживаешь над бездною
и, равнинных бесед сторонясь,
лишь улыбку свою нелюбезную
не пытаешься спрятать от нас.

1987

2. В лаборатории

Для пользы безмолвной науки,
во вред безотчётной красе
и с делом любимым в разлуке
ты здесь проживаешь, как все.

Ты выглядишь бледной сестрою
талантливых, цепких людей,
у коих знакомство с тобою
не вызвало новых идей.

Тебя не считают обузой,
и ты, предаваясь труду,
не ведаешь, верно, что Мүзой
положено быть на роду.

Весь день без особого толку
ты иском своим занята,
и пасмурней кажется только
не видная всем красота.

1987

3.

Всё ты бросила, всё разбазарила
в свистопляске квартир и подруг,
и румянец багряный, как зарево
на щеках твоих выступил вдруг.

Ты являешься в платье замызганном,
к содроганью немому коллег,
и, застыв у окна, полу-изгнана,
наблюдаешь истоптанный снег.

Только взгляд твой немного особенный –
от него оживают, смеясь,
городские кривые колдобины
и рыдает овражная грязь.

И окраина эта безродная,
серый, низко летающий дым,
и прохожего грусть безысходная
околдованы взглядом твоим.

Ну давай, оглянись же, художница!
Кто-то встал за твоею спиной.
Ему худо, и как-то неможется,
он кривится в улыбке дрянной.

Всё он тоже забросить надеется...
Впрочем, нечего даже бросать.
И портрет его, если успеется,
ты могла бы сейчас написать.

1988

4. Уходя из гостей

Мы вышли говорить друг с другом,
природа закружилась кругом,
не сдерживая плач,
повсюду до-минор и слёзы,
никто не понимает прозы,
а сзади, а за нами вскачь,
как будто он летит над лугом,
ребячливо светясь испугом,
свихнувшийся
бежит стучац.

1987

5.

Я превращу тебя в стихотворенье.
Любовь свою отдам за вдохновенье.
Я получу волшебное умение –
в железный ритм вложу сердцебиенье.
Лишь пробурчу я хриплое заклатье,
и светлой рифмой обернётся платье.
Твои волосья уподоблю саже –
они как дым развеются в пейзаже!
Мне кажется, ты не заметишь даже,
как превращу тебя в стихотворенье...

1987

6. Ты пришла

Забрела сюда с улыбкой глупой
и невольно опустила взгляд.
Здесь людей бесцельные скорлупы
за столом, советуясь, сидят.

Слышен слабый шелест разговора,
прежних мыслей омертвелый гам.
Ты пришла, но отчего нескоро,
так нескоро возвратилась к нам?

Наша жизнь всех обыкновенней –
каждый день, не помня о былом,
небольшою кучкой привидений
заседаем за пустым столом.

1993

СТРАННАЯ НОША

1.Облачный гусь

Опускается листик падкий,
а над ним шелестит вдова.
Отчего говорю я, гадкий,
эти слова?

Вот и я устал суетиться
и хочу на край озерца
опуститься, как будто птица,
и созерцать.

Я давно не сидел на чёрной,
в которой роется крот.
Залепляющей так бесспорно
болтливый рот.

И сижу, не пойму загадки:
кто придумал, что я живу
и под деревом лёг в упадке
слушать его молву?

Отчего пролетает мимо
белый облачный гусь,
и минута несохранима,
и своих же стихов боюсь?

1988

2. У чёрной воды

Не хочу я думать словами,
а ветвистыми деревьями,
небольшими озёрами,
серыми дуплами, норами.

Не хочу задышаться страстями,
а одним невсхожим полем,
валунами, что над костями
много лет лежали без боли.

Есть там яма с водою чёрной,
что лопочет, как будто бредит,
там со мной из осоки сорной
говорят мой дед и прадед:

— Ты наш старый, старый мальчик,
что же ты не нашёл удачи...
Две им птицы кивают молча,
раздаётся плач лягушачий.

Ну а что им скажешь словами?
Я как дерево перед вами,
у воды возлюбленно-чёрной,
а кругом валуны, да корни.

1988

3. Изобретение земли

Для чего-то жил, а после умер.
Запестрела, навалилась мгла.
Только это ты не сам придумал,
а тебя земля изобрела.

Ей легко тебя придумать было,
полупьяного от запаха травы
и такого трезвого постыло,
сухаря унылого, без пыла,
бестолкового в любви.

1988

4. Стихи под тучей

Не торопись, ещё постой
под сизой тучей,
послушай шёпот дождевой
и гром певучий.

Как будто видеть разучась
без боли острой,
ты слеп и глух явился в час
тревоги пёстрой.

Тебе неясен чуткий лист,
дождём убитый,
неслышен мрачный скандалист
с крылатой свитой.

Твоя душа – в чужих веках
среди Искусства,
и оттого в твоих стихах
темно и пусто.

Но вот, окрестность озаря,
как злая птица,
боль из запасов сентября
к тебе стремится.

Гляди – к тебе вернулось вдруг
воронье пенье,
волнуясь, возвратился луг...
И тем не менее,

Не торопись, ещё постой
в траве колючей.
Напрасной рифмою пустой
ты слов не мучай.

Захлопни мокрую тетрадь.
Умолкни в хоре.
Зачем собрался рифмовать
простое горе?

1987

5. Ледяная дорога

Обуяла невнятная грусть.
Разболелось сердце от скуки.
Серый день восхитительно пуст,
только птички рассеяны звуки.

И ношу я с собою вопрос:
Как мне быть? Нет ответа в помине.
Забирается в душу мороз,
зимний разум мерцает, как иней.

Я запутался в самом простом –
как на плаху, желал бы с размаху
лечь на голое поле пластом
и набраться январского страху.

Словно снег, осторожно скрипит
ломкий мир человеческих понятий:
редкой радости, частых обид,
невозможных смертей и объятий.

Как же быть, как хоть что-то понять?
Я прислушаюсь к зимнему слогу –
перекличкою смыслов опять
замело ледяную дорогу.

1988

6. Гобой

Тот голос, что беседует с тобой,
не голос человеческий, а гобой.
Он шепчет и лопочет, умолкая,
и мысль, ещё неведомо какая,
несёт тебе, в слова не облекая,
души его и сумрак, и покой.
Но что же ты закрыл лицо рукой?
Привычно обходясь без Бога
и судя всех насмешливо-нестрого,
не видишь ты у своего порога
фигуру, что позвал сюда гобой.

1987

7. Рояль и труба

Как жёлтый лист на дереве, проснулась
в тебе душа отца,
к чертам обыкновенного лица
несвойственной печалью прикоснулась.

И тяжкая для плеч твоих сутулость,
и дума, непосильная уму,
состарили тебя – о, почему
душа в тебе ослепшая проснулась?

Но, главное, она вселилась в руки!
Тебе рояль отдался в струнной муче,
в нём голоса таинственной разлуки
и клавиш костяные перестуки
рождают мысль и грусть наперебой.

Но что случилось, что стряслось с тобой?
Ты машешь побледневшими руками,
а твой мотив схватил под облаками
закат медноголовою трубой.

1988

8.

С этой болью и этой ношей
не поможешь мне, нехороший.

Проницательно глянешь оком,
скажешь что-нибудь мне с намёком.

И зашаркаю туплей драной –
я один с этой ношей странной.

Вот и старость. В глазницах влага.
Только дни горят, как бумага.

1988

9.

На лежбище ночей
моя луна раздета.
На донышке вещей
совсем немного света.

Из горлышка имён
песок струится сухо.
На пастбище времён
кресты, туман, разруха.

Вместилище разлук,
мерцая, проезжает.
И музыкальный звук
край жизни обнажает.

1988

ВОРОХ ЧУВСТВ

1.

Из любви и праха
вылеплен плохо,
полный ночного страха,
до старости малый кроха,
он боится мышинового вздоха,
а ещё – одуванного пуха
и смеха,
когда его обижает муха,
и, словно вчерашнее эхо,
стихи сочиняет он тихо.

1990

2. Парашют

Рождённый на полях цветистых
вдруг старый Одуван, неистов,
бросает полк парашютистов;
мгновенье, и они сразятся,
и в землю их тела вонзятся,
им равно жизнь и смерть грозятся,
но ветра их несет кривая,
намеренья судьбы скрывая,
и это облеку в слова я,
я передам полёт, паренье,
сосновое столпотворенье,
туч яростное оперенье,
но в тело закрадётся холод,
предчувствием дурным уколот,
напрасно поднимаю ворот,
природой возмущаюсь вздорной,
а тайный парашют мой чёрный
уже взлетает вверх, как ворон...

1990

3.

Попробуй броситься в стихи,
как в заросли ореха,
там спрятан птичий крик тоски
и лист дрожит от смеха.

Попробуй броситься в овраг
неловкого сравнения,
там лишь сплетение коряг,
сырых стволов склоненье.

Попробуй броситься, и вдруг
упасть, ища опоры,
где земляного сердца звук
неслыханный и скорый.

1990

4.

В краю, где чудесно зреют
лишь тоска да погром,
и даже ты интересуешься свойством еврея,
мне нужно скорее – скорее
строку зарубить топором!
И зачеркнуться вечным пером.

1988

5.

Я свои стихи похороню,
завещаю печке и огню.
А у печки чёрен пол, дощат.
В темноте слова мои трещат.

Для того писал я эту вязь,
чтоб огонь пожрал её, давась.

Поищите в ящиках стола:
там одна зола, зола, зола.

1990

6. Смерть комара

Вот умирает маленький комар.
В душе его, наверное, кошмар,
он в ужасе заламывает руки,
неслышные выкрикивает звуки!

А вот ещё: страдания осы
и смерть её кладёте на весы.
Они, скрипя, показывают тонны,
и воздух поколеблен сонный.

Мучения зелёного листа
и тварей тех, зудящих неспроста,
их мелкие душистые могилы,
которые цепляются за вилы,

тебя загнали, кажется, в тупик.
Ты различаешь комариный крик
и на коленях примостился, каясь.
А тучи слёз плывут, не проливаясь.

1990

7.

Отложим всё на никогда,
худой умеря норов.
Давай исчезнем без следа,
без лишних разговоров.

Давай оставим всё как есть:
дома, деревья, стулья.
Мы никогда не жили здесь,
посередине улья.

1991

8. Ощущение

Намокает моя рубаха,
ощущение близкого краха,
волны отчаяния и страха
захлестнули письменный стол.
И, вцепясь в него, как в атолл,
причитаю как малая птаха:
хоть бы кто наваждение отвел.
Но лишь грусть в небесах мировая,
словно корень меня вырывая,
как сердечная боль, нарывая,
заливает тетрадь и стол.

1991

9.

Замутился утомлённый разум.
Что мне делать, и куда мне жить?
Над столбом фонарным долговязым
я хочу задумчиво кружить.

Износил я голову когда-то,
у меня остался ворох чувств,
и теперь над вами виновато
я в фонарном пламени мечусь.

1991

10.

Во тьме сырой и тьмущей,
в разорванном пальто
я нищий, неимущий,
я непонятно кто.

Я только тень, рисунок,
скупой ночной узор,
что из дорожных лунок
на вас уставил взор.

1991–1995

11. Эпитафия самому себе

Может, весной,
а может – к июлю
в лоб получу я
законную пулю.

Вскинет ружьё
запоздалый патруль –
вот и закончился
месяц июль.

Долго в кармане
я нашивал дулю,
и оттого
не допущен к июлю.

Вот я прижался
лицом к кирпичу:
словно при жизни,
трусливо молчу.

1991–1999

ПЕРЕВОРОТ

1. Ночь переворота

Крупнокалиберная дрожь
в тщедушном теле.

Меня не трожь, не трожь, не трожь,
я жив лишь еле.

Крупнокалиберная дрожь
туманных радуг.

Меня не трожь, не трожь, не трожь –
я слишком краток.

Крупнокалиберная дрожь
и рёв моторов.

Меня помилуй и не трожь,
я бледный, хворый.

Рукав у мокрого пальто
дыряв, не латан,
и сам я, малый как ничто,
дышу на ладан.

1991

2. В подземном переходе

Почему-то я сегодня чуток.

А ещё – лишился я стыда,
и на все вопросы проституток
отвечаю: безусловно, да!

Полон я любовью к ним и нищим,
жалости я полон к стукачам,
и дешёвым полон я винищем,
что в себя безмерно накачал.

1991

3. За городом

Как трудно быть с собой в ладу
всегда и всюду,
к внезапной боли и стыду,
добру и худу.

И так же трудно, как от слёз
сдержаться туче,
слов, что случайно произнёс,
не делать лучше.

1991

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

В моём стихосложении порок.
Я рифмами не запасаясь впрок,
а только жду дурацкого припадка,
чтоб вырывался стих, как куропатка.

2.

О, я не понял, как случилось вдруг:
стихотворенье вырвалось из рук,
мяуча и кудахча, плача –
о Господи, какая неудача!

3.

Лужица, яркая лужица,
глянь – голова закружится.
Что там живое движется,
съёженное как ижица?
Оно урчит, оно лижется!
Трётся оно и кукожится,
у него волосатая кожица...
А как глянет оно, обнаружится:
глаза его – два круглые ужаса.

4. Прикосновение

Прикосновенье вечности
и дуновенье вечности
мне леденит конечности
и придаёт беспечности,
все утрясает срочности,
необычайно сложные,
и только надо ночь нести
поосторожнее.

1992

ЕЩЁ ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Состояния

Человек не из камня,
а похож на волну,
то он хнычет: куда мне...
То он брызжет слюну.

То живёт он в палаццо,
то он падает в грязь,
то кричит из колодца,
то таится, смеясь.

Эту цепь состояний
из непролитых слёз
человек обезьяний
для чего-то пронёс.

Словно им проговорен
странный, тяжкий урок,
полный призрачным горем
этих строк, этих строк.

2. Круги

Зачем-то кольца и круги
плывут перед глазами.
От них попробуй убег:
они перед глазами.

А может, это ты у них
стоишь перед глазами,
и каждый миг, покорен, тих,
всегда перед глазами.

3. Угроза

Мне угрожает слепота,
скажи на милость.
Её железная пята
в глаза вонзилась.

В тюрьму коробки черепной
я буду заключён весной
на Божью милость.

4.

У нас был очень тихий разговор.
Смерть находилась так недалеко.
Она была единственной, как выход.
Простой была, как лучшая подруга.
Как белый свет, она была утешна.
И вдруг растаяла.

1992

ПЛЯШУЩИЕ СТРОКИ

1. В эту чудную погоду

Подошёл и выпил яд.
Весь сомненьями объят,
я отпил совсем немножко,
яд поставил на окошко,
сердце сделало тук-тук,
затаился всякий звук.
У часов привяли стрелки,
словно тонкие травинки,
суп задумался в тарелке,
очень бледный, без кровинки.

На обоях пляшут звери
в золотистом-чистом поле.
Почтальон грустит у двери,
мною отпущенный на волю.

И под сенью полки книжной,
всем довольный и недвижимый
я лежу наискосок,
левый высунув носок.

В эту чудную погоду
отпустил я на свободу:

Паука, жука и муху,
отвратительную шлюху,
голубые облака,
сладость первого пинка,
обезвреженного друга,
да завязанный нетуго
дохлых мудростей мешок.
И весёленький стишок.

1985

2. Пир

Средь разгульного банкета
недвусмысленно и прямо,
сразу требуя ответа,
вдруг меня спросила дама:

— Отчего вы не едите
и ни капельки не пьёте,
опечаленный сидите,
совершенно не жуёте?

— Ах, сижу я на диете,
мне прописанной навеки,
ни подумать о котлете,
ни взглянуть на чебуреки.

Оттого сижу я грустный,
головой своей кивая,
что гляжу, как овощ вкусный
тонет в дымке, остывая.

Мне нельзя припасть губами
к телу нежному ватрушки,
никогда не есть с грибами
мяса страстного зверушки,

никогда не рвать на части
лапы, внутренности, крылья,
то испытывая счастье,
то отчаянье усилить!

Я живу среди запретов
удивительный и стойкий,
не изведав, не отведав
ни варенья, ни настойки.

Как мучительно и худо
жить, все лучшее отринув!
Отвожу глаза от блюда
апельсинов, мандаринов,

не гляжу на дам прекрасных,
вредно-розовое пьющих,
груды лакомств опасных
легкомысленно жующих...

Отчего ж я так сижу?
Это ясно и ежу:
жизнью, жизнью дорожу!

1985

3. Баллада о божьей коровке

Еле ползает по травке
божья бедная коровка,
отчего-то ей без справки
как-то сделалось неловко.

Страшно ей на одуванчик
залезать без разрешения:
вдруг впоследствии придётся
отвечать за разрушенья?

С перебоями, все глуше
бьётся маленькое сердце,
крылья сомкнуты печально,
будто крапчатые дверцы,

а головушка на лапки
обессиленно поникла –
человеческая мудрость
в насекомое проникла.

Ах, не плачь, моя бедняжка,
я и сам живу тревожно,
то, чего нельзя – не знаю,
и не ведаю – что можно!

Одинок, зимой и летом
я хожу по кабинетам,
вечерами жду в приёмных,
обезлюдивших, огромных...

Месяц плавает в окошке,
люди спят в своей кровати,
вкруг меня летают тихо
треугольные печати.

И один в многоэтажном
лёгком трепете бумажном,
посредине мироздания –
сам я божие создание.

1984

СТИХИ ИЗ ПРОШЛОГО

1. Бегство осени

Я замечаю: побежалость
под вечер тихо пробежалась
по ржавым листьям к фонарю.
И ничего не говорю.

И что на ниточке болталось,
подвешенное вкривь и вкось,
совсем чуть-чуть поколебалось,
а после вниз оборвалось.

И тут, сбежать задумав, осень
рукав облизет языками
и отпустить её запросит,
вздыхая мокрыми боками.

Она бежит, не удержалась,
повсюду беглость, побежалость,
и я об этом говорю
склонившемуся фонарю,
шепчу ему: Какая жалость!

* * *

Я пересчитываю липы,
я перечитываю лица,
я всё хочу запомнить, ибо
ничто не тянется, не длится.

Я переспрашиваю фразы,
слова с трудом перебираю
и понимаю их не сразу,
а после все перевираю.

О ненадёжные названья!
Друзья, любовницы и вещи
со мною жаждут расставанья
и ухмыляются зловеще.

Меня хотят деревья бросить,
и поступает некрасиво
прочь убегаящая осень,
вдруг обнажая перспективы.

1983

2.

Спокойной мысли чувство подчинилось.
Волненье вод и сердца, и травы
в минуту поздней юности приснилось
и вдруг тебя покинуло, увы.

Но мысль твоя не сделалась прекрасной,
и труд неуловимого творца
уму сухому кажется напрасным –
текучею природой без лица.

1987

3. Без меня и без тебя

Без меня твоё время скачет,
оцарапавшись, глупое, плачет,
безо всякого повода хохочет,
а меня повидать не хочет.

Без тебя моё время на брюхе
еле тащится, словно жаба,
глаза его красные сухи,
деваться не знает, куда бы.

Вот ползёт оно и думает: «Ладно,
обращусь-ка я в грустные строки».
А твоё время, улыбаясь прохладно,
учит уроки.

4. Стремление

Звуков траурное пьянство –
свойство времени-пространства
и осеннего убранства,
в нём совсем или на треть
каждый хочет умереть.

Каждый хочет стать тревогой,
одиначеству присущей,
и тропинкою пологой,
самое себя несущей.

1989–1995

5. Первое стихотворение

Мы вышли на-берег реки
холодной и прозрачной.
Он был художник средней руки,
а я – поэт невзрачный.

Чуть до неба не доставали кусты,
черны, как дым (о, поверьте!),
и я спросил его: смог бы ты
с этим справиться на мольберте?

А он сказал: «Тебе снятся сны!
Я мог бы – веточку жимолости,
ну, там, раскрасить две старых сосны –
я просто занимаюсь живописью.

А тут – погляди кругом – панорама!
Луна и звёзды в наличии,
закат застывает, как рваная рана –
я не страдаю манией величия».

А я ощутил в этот краткий миг
вдохновение от веточки жимолости,
и, лёжа вокруг, светящийся мир
мне придавал решимости.

И я твёрдо знал, что с пером в руке,
с полужакрытыми веками,
нарисую весь мир на измятом листке
до последней заваливающей молекулы.

1968

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

1.Порицание

Ворона пробует на вкус
из лужи осень разлившую,
и я без памяти ревную,
а сам испробовать боюсь.

Как мне обидно, что вокруг
все обворованы рябины! –
везде следы вороньих рук,
что наверху неуловимы.

Мне всё принадлежит едва,
я не могу в любви признаться,
меня пугается трава,
репейник в кровь желает драться!

Ну что ж – уйду в осенний путь,
он так лежит прямоугольно,
что стоит мельком лишь взглянуть –
и сразу делается больно.

Мне «стой!» кричит колючий куст,
но я пройду в одно касанье,
себе услышав порицанье
вслед из кривых вороньих уст.

1983

2. Человек в пальто

Обаянье четырёх сторон,
состоянье тающего дня
опьяняет городских ворон,
что гуляли, сумерки кляня.

Вот они взмывают, не боясь,
что закат заляпает перо,
образуя на мгновенье связь
между тем, что красно – и серо.

Но, увы, не лёгок на подъём
человек растерянный внизу,
что с досады долгим рукавом
вытирает глупую слезу.

Он руками пробует взмахнуть –
человек, застёгнутый в пальто.
Это не к лицу ему ничуть.
Впрочем, не видал его никто.

1983

3.

Косвенная речь
скошенной травы,
полежать бы лечь –
голову бы с плеч! –
да не снять, увы.

Линии судьбы,
то одна, то две,
мягки, не грубы,
не проткнёшь губы,
видимы в траве.

С этой луговой
скошены они.
На бугор кривой
брошены они.

Здесь лежат года –
сорная трава,
пожелтев – беда! –
сорваны едва.

И разрешена
надолго кругом
только тишина
на поле моём.

1983

4.

Я не могу связать в одно
речное облачное дно,
и землю безголосую,
куда пришел без спросу я.

Я не могу связать с собой
дождя минутный разной,
и этот берег глиняный
над речкою без имени.

Нет, не свяжу с собой никак
здесь мне дарованный овраг,
и сырость тропки низменной
в репейнике пожизненном.

1986

5. Автопортрет

Я пишу стихом старомодным,
в старомодном хожу пальто,
на любую погоду годном,
чёрном, словно фантом.

Сам я толст, а костюм мой тощий,
как осенний лист – башмаки.
Так мне легче дышать и проще
писать стихи.

1991

ВОСКРЕШЕНИЕ СУМЕРЕК

1. Я неправ

Вот я к речке подойду
черноватой,
вот стою я у неё
виноватый.

Руки за спину убрав,
отражаюсь.
Где же, в чём же я неправ? –
поражаюсь.

1981

2. Песенка о минутном человеке

Вдруг дорога замертво легла.
Человек шагает до угла.
Человек вечерний, теневой,
синеватою объят листвою.

Это человек одной минуты,
в башмаки неслышные обутий,
сквозь него фонарный пляшет свет –
только травы кланяются вслед.

Он идёт, не может обернуться,
ни всплакнуть во тьме, ни улыбнуться,
а лицо его – как облака,
у которых бледные бока.

Это он, всегда идущий мимо,
узнающий птиц по голосам,
словно сумрак, мне необходимый,
где я прячусь злой и горький сам!

Как бы я хотел во тьме июля
тоже стать минутным, уходя
и на том углу подкараулив
свет луны в чужих слезах дождя.

1982

3. Благополучие

Я, кажется, хочу благополучья.
Мне наплевать на чёртovy созвучья!
Расстаться с ними, кажется, могу.
Наверно, не простившись, убегу.

Вокруг меня лежит страна заката,
внизу асфальт краснеет страшновато,
домов окаменелые углы
за мной беззвучно гонятся из мглы.

О, этот бег! Я мчусь, как заяц травленный,
дышать мешает полумрак расплавленный,
в задушенные, мёртвые дворы
врываюсь, воробьиные пиры

пугаю, добежавшись до упаду
и кланяясь кривому листопаду.
И ты не посылай меня к врачу –
о, если бы я знал, чего хочу!

Я, может быть, хочу благополучья,
меня пугает каверзная туча,
мне чудится, что я уже продрог,
я зонтика хочу нажать курок.

1982

4. Сидя за столом

Выпадает рваненький снежок,
фонари гуляют за углом,
проводит девочку дружок,
только я скучаю за столом.

Темнота за окнами близка,
словно это женщина моя,
а от снега мокрая тоска
набежала в здешние края.

Выпадает тоненький снежок,
что-то я сказать хочу во тьму,
словно это на сердце должок,
что я должен всем и никому.

1982

5.

Это я тебе принёс
осень, мокрую от слёз,
осень, черную от слёз —
только брызги от колёс.

Я привёл к тебе семь бед,
бед, уставших от побед,
бед, сожравших твой обед,
потушил в окошке свет.

Осень мокрая вокруг,
всё повалится из рук,
жить не хочется ни дня,
но прощаешь ты меня.

1982

6. Сон

Некрасиво, как все сновиденья,
в эту ночь улыбаешься ты,
чтобы после старался весь день я
выражение забыть темноты.

И, любуясь чертами паденья
моего в неподвижной глуши,
хочешь медленным взглядом виденья
прикоснуться к провалу души.

И тогда просыпаюсь я в страхе,
что я вижу тебя наяву,
и к окну подбегаю в рубахе,
и не знаю, зачем я живу.

1982

7. Воскрешение сумерек

Звезда на небосклоне
трепещет, как живая,
под звук неугомонный
вечернего трамвая.

Сплетение тугое
заката с проводами,
течение покоя,
таящегося в гаме.

И каждое движение,
и вскрик, и дуновенье
почти без напряженья
держу в повиновенье.

Пространство дышит сипло,
покорное вполне,
лишь веточка прилипла
несчастливая к луне.

И вот, всему на свете
даю я разрешение,
и сумерек тогдашних
творю я воскрешенье.

Повсюду беззаконный
вечерний свет истошный!
И в блеске заоконном,
как будто бы нарочно,

закат и ночь, сгорая,
сплелись, и затая
дыханье, я не знаю,
кто ты из них, кто я.

1982

8. Около Сокола

Где-то около Сокола,
где кривые дома,
сердце глупое ёкало
и сходило с ума.

Доминанта, да тоника,
нехитрый мотив,
помнишь, пел с подоконника,
глаза опустив.

Сколько лет уже минуло,
столько смеха и слёз,
что моя ты не милая –
никакой не вопрос!

Хуже только, что, видно, я
и с собой не дружу,
всё кому-то завидую,
да на службу хожу.

С нехорошею миною,
малодушный, больной...
Ты не скажешь, немилая,
как случилось со мной,

что, страдая над бедами
и смеясь иногда,
проворонил, не ведая,
все на свете года?

1982

ФЕЯ СЕНТЯБРЯ

1. Друг

Всю ночь в углах руками шаря,
себя не сможешь отыскать,
и в чайнике кривая харя
тебя откажется узнать.

А утром друг остервенелый
с улыбкой каменной придёт,
при нем что ни скажи, ни сделай –
всё как не надобно, поймёт.

Всегда он прав непоправимо,
всегда он здрав непростудимо,
неописуемо хорош.

Ты перед ним, как подсудимый,
себя укравший, нелюдимый
и по ошибке невредимый,
ни слова правды не сболтнёшь.

1983

2. Наша собака

Ты так искалечила мою любовь,
превратила её в лающее трёхногое существо
с пустыми глазами, без ушей и зубов, –
что пока я люблю – презираю себя самого.

Я ношу её на руках, пугая прохожих,
прогуливаясь мимо дома, где живёт ветеринар
и хитрый шприц ненавидит живых тонкокожих,
а из трубы струится упоительно белый пар.

Неужели я не решаюсь и жалею
эту тварь, топча сапогами весенний ледок,
глядя, как обвивает её шею
твой любимый поводок?

1983

3.

Когда меня тошнит душой
и страшно лезть в петлю,
хочу услышать голос твой,
который я люблю.

В нём есть и сумерек разброд,
и все цвета ночей,
и краской вымазанный рот,
и свет моих очей.

И здесь, под вымершей листвой,
не знаю, почему,
мне только голос нужен твой.
Но где его возьму?

1983

4. Подлая минута

Прибежала подлая минута,
задрожала глупая щека,
пролилась слеза, и почему-то
вдруг схватилась за-сердце рука.

Приползло гнусавое мгновенье,
хуже мокро чавкающих жаб,
сам ты у него в повиновенье,
оттого и болен ты, и слаб,

оттого в упор глядишь, не глядя,
слово молча пробуешь сказать
сам себе в задушенной тетради,
что бывает страшно открывать.

В сером гуле, в сером карауле
за окошком липы собрались,
в сером доме все давно заснули,
только месяц серый светит вниз,

только ты один сидишь, как будто
рад, что, упоительна и зла,
подбежала подлая минута
и тебя за горло обняла.

1983

5. Зверь одиночества

Хочу сказать о чём-то главном...
Гляжу – а главного и нет.
И в самом давнем, и в недавнем
нет никаких его примет.

Есть только двор
с оградой гнутой,
где я, как вор,
живу минутой,

где по сентябрьским листьям
с подбитой лапою поджатой
зверь одиночества лохматый
за мною ходит по пятам.

* * *

В проворной тьме сереет небо,
как обезлюдевший перрон.
Зверь одиночества свирепо
ползёт, сопя со всех сторон.

Он там, в листве гнилой таится,
и за спиной, неуловим,
шуршит, высовывает лица
и плачет голосом твоим.

1983

6. Вспухают чёрные зонты...

Вспухают чёрные зонты
цветами мокрой темноты,
повсюду блеск и влага,
нет ни беды, ни блага.

Сердца разлившиеся луж
полны ночью смутой,
в них тонет облачная глушь,
фонарь ныряет гнутый.

Листы, набрякнув от дождя,
лежат следами зверя,
что заблудился, не найдя
себе дороги в сквере.

А дальше, там, где толчея
деревьев без названья,
опять мелькает тень твоя
как эхо расставанья.

1983

7. Ночное свечение

Одиночество светит в окно,
и спокойное пламя его
удивляет меня. А в стакане
дремлет чай. На усталом диване
кот растёкся, как ночи пятно.

Окруженье привычное – но,
разобраться, увы, мудрено,
отчего потеряли значенье
и друзья, и враги, и одно
лишь всё ярче пылает свечение.

1983

8. Объявления сентября

Мой месяц – это месяц окончаний.
В нём шорохов не меньше, чем звучаний.
В нём дятел подбивает молоток.
И просто подвести всему итог.

Мой месяц скуповат ещё на краски,
как будто бережёт их для развязки,
но всё же попадают, горя,
меж листьев объявленья сентября.

Мой месяц! Подорожники расставлены,
у них макушки серые оставлены,
сухая выбирается из трещин
травы – то нам сентябрь обещан!

Но вдруг – и объявленья эти врут,
и, каркая, обманывает птица,
и, хоть билет обратно не берут,
сентябрь всё равно не состоится...

А если всё не так, то отчего
роняет молоток на травы дятел
и дуб дрожит, скрывающий его,
как будто он, старик зелёный, спятил?

1983

9. Фея сентября

Растрёпанная фея сентября,
усы мои едва посеребря,
туманом мне глаза заволокла,
на улицу чужую завела.

А там повсюду листья нарасхват –
то по миру пустила листопад
заботливая фея, чтобы сразу
сентябрь разыграть, как по заказу,

внутри меня и вне. И наугад
домов глухие двери отворяю, –
О, фея, фея! – только повторяю, –
Как выбраться? О, как пройти назад?

Наверно, это осени урок,
когда учиться следует почтенью
к животным потерявшимся и чтенью
печали их в холодный дождь меж строк.

Но я потерян, кажется, иначе,
я выбраться хочу из сентября,
а фея улыбается и плачет,
усы мои всё больше серебря.

1983

10. Разброд

Брожение ума в природе,
волнение травы,
когда репей задумавшийся бродит,
не поднимая головы.

Вокруг, желтея, жалуются осы,
их мучат ядовитые вопросы,
и головокружение у сосны
от осени и до весны.

Мне нужно разобраться и взглядеться,
а толстый дуб
мешает и, впадая в детство,
лопочет миллионом губ.

Я чувствую кругом противоречье,
и одиночество пьянит
и птичьей речью и утешает, и звенит,
но что случилось – нет, я не отвечу.

Быть может, облаков водоворот
затягивает землю, души, травы,
а может – это осени отравы
и просто первых сумерек разброд.

1983

11. Поцелуи тритонов

Не дотянув до седин,
а то и дожив – Бог даст,
мы угодим в один
геологический пласт.

Глупо любить, пища стихи,
молодому, старому, зрелому –
нас обглодать приготовились мхи
чёрным по белому.

Кто там отрыл берцовую кость
в мёртвом русле, другим на зависть?
Это моя! Брось,
мерзавец!

Померещилось... Луна, чуть тронув,
серебрит твой стан.
Так бессмысленны поцелуи двух тритонов,
из которых один – я сам.

1983

12. Ночное предисловие

Далёко, в изголовье
краёв, где спит закат,
ночное предисловье
деревья говорят.

Вверху ночные двери
боятся отворять,
но две, по крайней мере,
звезды нельзя прогнать.

А на шоссе за башней
кrovавый светофор
свой взор вперяет страшный,
невидящий в упор.

И, кажется, до ночи,
ещё в закуле мглы,
мне краски выжгут очи,
задушат рот стволы.

Травы открыты лица,
сияют брэнность, тлен,
боясь пошевелиться,
попавши в смертный плен.

1983

13. Когда-нибудь

Лишь первая догадка,
что осень на носу.
Лишь осени повадка,
а листья – навесу.

И только самый тонкий
листок теряет связь,
а прочие в сторонке
висят, не шевелясь.

Повсюду лёгкой тенью
разлит осенний яд,
и странные растенья
покорные стоят.

Невиданной породы
безмолвствуют грибы,
репейники-уроды
забрались на столбы.

Поёт ручей в бетоне –
не низок, не высок
его на полутоне
охрипший голосок.

Поёт он глуховато,
течёт он в те края,
где, кажется, когда-то
встречались ты, да я.

1983

14.

Сокровеннее дружбы глухонемого,
безнадёжней, чем любовь старой девы,
желание вымолвить слово,
да послушать его распевы.
Ну а как его вымолвлю, такое,
если, рот едва лишь открою,
и лай раздаётся собачий
или карканье отчаянной вороны,
а то – леса древесные стоны.
– Не могу говорить я иначе.

1983

ЛОВЕЦ МЫСЛЕЙ

1. Внутренний холод

Зачем-то зимний день в меня проник,
в холодные глаза, за воротник,
он вполз в меня, отчётливо почуя,
что больше не люблю и что хочу я
замёрзнуть, если можно, изнутри,
и вот, смотри, –
прозрачно как и холодно молчу я.

1983

2. Ты и я

Желтоватая тень расставанья
поселилась в снегу февраля,
два готовых растаять названья:
«ты» и «я» – говорить не веля.

А скажу – затуманятся оба,
потеряют своё волшебство
и закапают к сердцу сугроба,
не оставив взамен ничего.

Оттого и хожу молчаливый,
все на свете другие слова
и неправильны, и некрасивы,
для чего они – знаю едва...

1984

3. Книга февраля

Мой любимый февраль
выздоровливать начал от снега.
Слабым лучиком, спущенным с неба,
может он опереться едва ль,
но уже потревожено иго
снега белого, жёлтого мига.
И усталая, талая книга,
что февраль неумело берёт
(о неверность весны, о интрига!),
вдоль исчерчена и поперёк...
Ах, в ней каждое слово – упрёк!
Городские деревья готовы
обниматься обрубками рук,
я один умоляю: Ну что вы!
Погодите, опомнитесь, вдруг
про любовь в этой книге – ни слова?

1984

4.

Беспокойная серая суть
вдруг смешалась с весеннею болью.
У забора в объятиях, колья
узкой грудью не могут вздохнуть.
И в траве прошлогодней безволие.
И, куда бы себя ни увёл я,
только сумерки станут тонуть, –
всюду мечется серая суть
и весна переполнена болью.

1984

5.

Уже у августа
в рябиновой крови
горят беспамятства
сигнальные огни,
и в воздухе дрожат рукопожатья
дубов и Желтолапой, и бежать я
не пробую – то осень, а не смерть
из облака бесслёзного явилась,
и, робкую оказывая милость,
мне крапчатый подбросила конверт.

1984

6. Ночное путешествие

Мне снятся безысходные дворы.
Пугающе-мигающая темень
устала на мгновение от игры
и в серый превратилась кремень.

Мне чудится, что снова я люблю.
Подъездов подозрительные очи
не верят мне, гнилая дверь хохочет,
в зрачках окон – по злющему углу.
Но мне – какая разница? Я сплю,
всё дальше путешествуя по ночи...

1984

7. Мир мальчика

Мир мальчика спокоен и прозрачен.
В нем голос чувства странно однозначен.
И можно говорить наедине
с предметами, их все одушевляя,
им лишней красоты не прибавляя.
И просто всё и ясно, как во сне.

Но годы улетучатся. Корыстной
становится у мальчика любовь,
и женщины желанно-ненавистой
не выгнать из смешных его стихов.

Ах, тень её теперь на все явленья
безжалостно и тяжело упадёт,
и прежнее безоблачное зренье
у взрослого природа отберёт.

И если он со зрительным обманом
расправится, тогда, подобно мне
вдруг с миром искорёженным и странным
останется опять наедине.

1984

8. Стихи для угрюмой девочки

Словно птичка из скворечника,
эта маленькая боль.
Всё питает она, сердечная,
ты ей вылететь позволь.

Чтоб походкою пропащую
опустившихся стихов
не блуждать безумной чащей
из огромных пустяков,

чтоб увидеть, как рифмуется
снег над тёмною водой,
чтоб, спеша по длинной улице,
говорить легко с собой,

чтоб одной угрюмой девочке
слово тайное сказать
и петлю себе на галстук
незаметно развязать.

1984

9. Ловец мыслей

Под вечер угловатая ныряльщица
приходит неодетая к воде,
она себя не прячет, и неряшливо
бросается в зелёное нигде.

Её встречают радужные крабы
пугливыми пузырьками глаз
и сумрак обволакивает слабый,
всё гуще и печальней становясь.

И вот, под нею нехотя колеблется
глубокий вечер. Разума окно
уже полупогашенное, теплится.
И рыбы дышат, двигаясь смешно.

Её лишает высколенной воли
уснувшая подводная трава,
она забыть готова, что жива,
в растворе древней горечи и соли.

Ты тоже, как вечерняя ныряльщица,
бросаешься в сознанья глубину,
где мысль слишком радужная прячется,
нечаянную чувствуя вину.

Там радость одиночества и холод
сжимающихся сумеречных вод,
и разум преломившийся расколот,
а глубже – сумасшествие живёт.

Как трудно возвращается ныряльщица,
когда её бесчувственный прибой
выносит вдруг, и птица тихо плачется,
и воздух нестерпимо голубой!

Но ты, едва упав тяжёлой тушей
на зыбкую сознания черту,
за первую же мыслью обманувшей
бросаешься бессильно в черноту.

1984

10. Возвращение

Я один в этом доме опять.
Я закрыл щелеватые ставни,
чтобы солнечный свет обонять
нестерпимый и режуще-давний.

Лёгкой пыли истлевшая суть.
Здесь пространство осталось пустое.
У дивана распорота грудь.
Стулья мёртвые сгрудились стоя.

Лишь несправедливой жизнью двойной
запах прошлого здесь проживает,
и клочок от обивки дрянной
мне объятья опять разверзает.

Тело грузное вдруг уронив,
перепутаю горе и благо.
А за тонкою стенкой обрыв
и полнеба вечернего флага.

1986

ОДИННАДЦАТЬ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

1. Второе рождение

Для Муры Немурчаловой,
для Грушечки Коричневой,
уставший, как мочало, я
хотел бы жить вторично (я).

Котом бы, брат, родился я,
хвостом бы, брат, гордился я
и, если где оказия,
творил бы безобразие.

Я сам себя бы радовал
и в завтра не заглядывал,
и каждое мгновение
мурчал от вдохновения.

1995

2. Автопортрет с кошками

Считаю ворон я и дождик ловлю,
всегда погруженный в раздумия
о том, что я Муру лишь просто люблю,
а Грушу люблю до безумия.

Они на окне у меня сторожат
безмолвное время тягучее,
похожи на двух небольших медвежат,
неряшливо сваленных кучею.

1996

3. Предчувствие

Припав губой к стакану,
я проглотил питьё.
Я в неизвестность кану,
уйду в небытие.

Взволнованный, присяду,
бледнея невзначай,
хоть я не принял яду,
а просто выпил чай.

Но страх растёт как дрожжи
и шепчет как звезда,
что раньше или позже
я кану навсегда.

30 окт. 1995

4. Отличник

Жил-был один отличник:
он двойки получал,
курил тайком в подъезде
и стекла разбивал.

Из дудочки отлично
плевать он умел,
ругаться неприлично
и кушать школьный мел.

Он бегал по заборам,
приятелям грозя,
не делал то, что нужно,
а только – что нельзя.

Лет двадцать или тридцать
пропали в никуда.
Любовь, заборы, солнце
исчезли без следа.

С пивною кружкой пенной
он сблизился навек
и стал обыкновенный
несчастный человек.

Лишь строит он догадки,
как мог бездарно пасть,
и хочет из рогатки
в минувшее попасть.

1996

5. Алкоголик

Ходил себе алкоголик,
имел голову, словно нолик.
В кармане носил бутылку,
в другом – огурец и вилку.

Своё имя помнил едва ли,
столбам не стеснялся кланяться,
а при виде рояля
делался фортепьяницей.

А играл он пьяно-пьяниссимо
(пьяно, как только мог он),
держась, как всегда, независимо
за чёрную рояльную ногу.

1996

6. Поэт и доцент

Как поэт, я испорчен дыханьем наук,
как доцент – искалечен поэзией.
Уравнение любовей и алгебру мук
рифмовал я с распадами цезия.

Но сегодня я сделался просто доцент,
и рыдаю от боли и рези я,
у себя на коленях держа, как Винцент,
сумасшедшее ухо поэзии.

1995–1996

7. Животное

Безобразный звероид вращения
покатился внутри помещения.
Немигающий глаз фосфорический
он зажмурил с улыбкой зверической.

Намекает, что съест меня поедом,
страшно вато вдвоём со звероидом.
Но не злобен звероид вращения,
пошутил он и просит прощения.

1997

8. Пугало

Среди морковок и петру...,
среди петрушек и укро...
всю ночь качаюсь на ветру,
и, ах, пальто моё старо.
С севера, с юга ли
дует ветерок,
а бедное пугало
свой мотает срок.
Повсюду яблони и гру...
торчат как канделябры,
а я качаю поутру
своей башкой из швабры.
Быстро ли, худо ли
зреет огород,
а к бедному пугале
никто не подойдёт.

1996

9. Служитель морга

Слушая музыку,
служитель морга
всегда испытывал
бурю восторга.

Ради любимой
своей оратории
он вечерами
ходил в крематории.

Пел он и сам
без страха панического
в хоре театра
анатомического.

1998

10. Писатель

В тусклом свете фонарей
жил писатель Онорей,
жил несчастливо, вне брака,
надрываясь как собака...
«Умереть бы поскорей», –
вот, что думал Онорей.
Был он лысый, бородатый,
на язык витиеватый,
сто романов про зверей
напечатал Онорей.
И хотя он жил в Париже,
утонул в навозной жиже,
поскользнувшись у дверей,
несчастливец Онорей.

1998

11. Условие

Я с Господом беседовал о прозе,
и вскоре незаметно перешли мы
зачем-то на стихи.
Я кое-что прочёл Ему.
А после,
подумав, Он сказал:
– Конечно же, стихи твои прекрасны,
лекарственны, целебны, музыкальны
и людям дать могли бы утешенье,
от горя и забот их отвлекая.
Да только ничему тому не быть.
Но, впрочем, если выполнишь условие...

– Условие? – Его я перебил, –
мне странно слышать, Господи, такое.
Ты видишь Сам, живу я, в общем, скудно,
друзьями незаслуженно покинут,
о славе уж всерьёз не помышляю
и дальше потихоньку жить готов
и в полной неизвестности скончаться.
Неужто мало этого?
– Наверное, ты шутишь, Александр, –
сказал тогда Господь, побагровев, –
ведь то, что рассказал ты – это счастье,
которым ты к тому же недоволен.
Нет, так тебе стихов не сохранить.
Условие моё совсем другое:
ты должен испытать такие муки,
чтоб жизнь свою проклясть и час рожденья,
и самый Солнца свет, а также и Меня,
чтоб в жилах кровь у всех заledenела
и десять лет согреться не могла!
И если *это* выполнишь условие,
стихи твои отмоют грязных нищих,
от пропасти несчастных отведут
и прочее ...
И если ты согласен,
Пожалуйста, тут сбоку распишись.

1998

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

1. Мурзик гуляет по крыше

Холодный ветер дует
и вечер наступает,
по крыше бедный Мурзик
лапами ступает.

Уже над этой крышей
взошла звезда, мигая,
её не видит Мурзик,
по крыше пробегая.

Ему смешно и грустно,
и хвост его трубою,
усы его, как щётки
над верхнею губою.

Он там, на этой крыше
живёт, не размышляя,
совсем не так, как люди,
живёт себе, гуляя.

И я хотел бы тоже
быть смелым и свободным
и жить на этом свете,
как Мурзик, превосходно.

Но мне не разрешают –
какая неудача! –
и я под этой крышей
живу совсем иначе.

1983

2. Болезнь Мурзика

Мой Мурзик дорогой
ложится на живот.
Похоже, что и в нём
кончается завод.

Ключ потерялся и –
его окончен путь,
он лапкой и хвостом
не может шевельнуть.

А как он раньше пел
мяукал и плясал,
как самый лучший друг,
вцепляясь, повисал!

Теперь он лёг на пол,
в глазах его печаль –
но что поделать, коль
другого нет ключа!

Бывает, что и в нас
кончается завод,
когда у нас болит
и горло, и живот.

В окошке солнца нет,
на завтрак – аспирин,
и вылезти нельзя
никак из-под перин!

И ходят каждый день
по девять докторов,
и шепчутся: «Ах, ах,
ребёнок нездоров!»

Но, Мурзик, нам лежать
не так уж долго тут:
я встану – и тебя
отвёрткой заведут!

Ты будешь ковылять,
мяукать через раз,
не зная, кто кого
на самом деле спас!

1983

3. Наш Мурзик уезжает

Однажды рано утром,
сырым и бесприютным,
подъехал дребезжащий, дрожащий грузовик,
и все свои пожитки,
промокшие до нитки,
в него засунул Мурзик в тот же миг.

Прощайте, новостройки,
любезные помойки,
заборы, разговоры, подъезды, пустыри...
Наш Мурзик уезжает,
его не провожает
никто, и одиноко сидеть ему внутри!

Придется нам в кладовку
поставить мышеловку,
наш Мурзик уезжает, не помня о былом.
Вперёд дорога вьётся,
и он уже смеётся,
скрываясь постепенно за углом.

1983

4. Февральская песенка о котах

Опять над этим миром
восходит жёлтый глаз,
и бьёт неумолимо
ночной кошачий час.

Обманчиво спокоен
безлюдный тёмный двор,
пока ещё не слышен
котов подвальный хор.

Но вот раздастся всюду
безумный смех и плач
от жуткого везенья
и страшных неудач!

Начнётся лунный танец
(в нём странен каждый шаг)
и полная печали
песня о мышах!

Я в этот час февральский
иду к себе домой,
всего лишь мало-мальски
небритый и дурной.

И кажется мне, будто
уставший от невзгод
среди котов подъездных
меня мой Мурзик ждёт.

1983

5. Ночная песенка о домовом

Знакомый мой чердачный
сегодня злой и мрачный,
ах, мрачный, неудачный! –
он за-полночь не спит
и лестницей скрипит.

Луны лицо кривое
не может улыбнуться,
коты, от страха воя,
боятся шевельнуться.

Сквозняк гуляет лунный,
струится Млечный Путь,
а друг мой слишком умный,
чтоб за полночь уснуть.

И я к нему взбираюсь,
а лестница витая
ведёт меня охотно,
петляя и плутая.

И лунная дорожка
поёт, как половица, –
похоже, недалёко
приятель мой таится.

Как жаль, что он не в духе! –
забился в пыль и мрак,
со мною не желает
увидеться никак.

1983

6. Когда я стану взрослым

Когда я стану взрослым,
небритым, бородатым,
довольным (хоть не очень),
пузатым и женатым,

когда я жить уеду
на улицу чужую,
забуду всех соседей,
с которыми дружу я,

когда я видеть буду
в любое время года
природу пожилую
и глупую погоду,

приеду я однажды
в края, где жил когда-то,
и жил совсем неплохо
я с Мурзиком усатым.

И вот, пройду, вздыхая,
я мимо старой свалки,
где выросли некстати
ромашки и фиалки.

Меня увидит рыжий
котище толсторожий,
на Мурзика нисколько,
конечно, не похожий.

Он тайно усмехнётся,
как будто понимая,
что я сюда вернулся
совсем напрасно в мае,

И надо мне обратно,
на улицу чужую,
где взрослый, бородатый
несчастливо живу я.

1983

7. Возвращение Мурзика

Как облезлые обои
стало небо голубое,
стали мутными глаза,
несолёною – слеза.

Стали глупыми беседы,
несъедобными – обеды,
кухня сделалась тесна,
стала осенью весна.

И не спится мне ночами
от мучительной истомы,
я советуюсь с врачами,
объясняя им симптомы,

а в груди сердцебиенье
не стихает почему-то,
ни на малое мгновенье,
ни на долгую минуту...

И тогда велят мне сразу
лечь на белые простыни,
и немыслимую фразу
врач читает по латыни.

«Хоть неведома причина
у недуга для науки,
неминуема кончина, –
говорит он, моя руки, –

Не помогут вам рентгены,
предписанья гигиены,
воздух свежий ни к чему,
проще вылечить чуму!»

Но как раз в мгновение это
из-под старого буфета,
из неструганых досок
раздаётся голосок.

Это Мурзик издалёка
возвратился, без сомненья,
и коварного недуга
происходит исцеленье.

Снова небо голубое
непохоже на обои,
вновь весенняя пора, —
не нужны мне доктора!

1983

8. Вечерняя пропажа

В воздухе вечернем
первая пропажа —
видно, спит воронья
на деревьях стража.

Выйду я из дому
и отправлюсь смело
с Мурзиком под мышкой
посмотреть, в чём дело.

Вечером ленивым
и неторопливым
мы вдвоём уходим
к зарослям крапивы.

Всё вокруг, как прежде, –
деревце, овраг,
где зеленоватый
настоялся мрак,

мокрый подорожник,
беспорядок травный,
голоса чужие,
стихшие недавно,

в листьях прошлогодних
серенький зверёк... –
Всё мы исходили
вдоль и поперёк!

Только потерялось
в сумерках, без спору,
нечто без названья,
что найдут нескоро,

что весною прежней
каждый день встречали,
и о чём вороны
нам с тобой кричали...

А уже из окон
свет, желтея, льётся,
и пора вернуться –
что нам остаётся?

Падает на шляпу
капля от дождя,
Мурзик мой мяучит,
слов не находя.

1984

9. Последняя песенка о Мурзике

Зима на белом свете,
и за окошком вьюга,
и мы с тобою смотрим
печально друг на друга.

И я сажусь к роялю,
одной, увы, рукою
для Мурзика играю
что-нибудь такое...

Расстроен, недоволен
рояль моим мотивом,
но Мурзику, пожалуй,
он кажется красивым.

Мой верный, мой усатый,
лежащий без движенья,
он, видно, вспоминает
минувшие сраженья.

Из них он вышел – боже! –
в таких ужасных шрамах,
что украшают самых
лишь смелых и упрямых.

В усах его заметна
щетина с сединою –
она б не появилась,
будь жизнь его иною.

Хлебнул всего на свете
мой Мурзик полной мерой,
усатый, полосатый
мой бедный котик серый.

Я тоже долго прожил
и ездил на трамвае
из дома на работу,
платить не забывая,

в кино и рестораны
ходил ещё порою,
однако, жил не так я,
как следует герою.

И нечего мне вспомнить,
когда играет вьюга,
и мы сидим, не глядя
с тобою друг на друга.

1984

10. Рыцарь-черепаха

Жил Брончик безмятежный,
гулял он по лесам,
душою очень нежный,
хоть каменный был сам.

Он не носил бородку
и не имел усов,
и был на сковородку
похож среди лесов.

Он там гулял, мечтая
и встречным не грубя,
и рыцарем считая
неузнанным себя.

Он был влюблён, как всякий,
кто панцирь нацеплял,
и, странствуя во мраке,
о чём-то лопотал.

Суровый и упрямый,
он дал такой обет,
что в честь Прекрасной Дамы
пространствует сто лет.

Но вот сто лет проходят,
его иссохла плоть,
он панцирь ненавистный
хотел бы расколоть;

вот он в ручей глядится,
морщинистый, седой,
себя узнать не может
и плачет над водой,

его сомненья мучат,
и чудится ему,
что эти годы странствий,
возможно, ни к чему.

Он меч ломает ржавый,
выкидывает щит
и к Ней, немоложавый,
спешит, спешит, спешит.

1990

ИЗ ВЕРЛЕНА

1. Осенняя песня

Повсюду скрипок
осенних всхлипы
поют с тоской
и ранят сердце
мотивом смерти
городской.

Изнемогая,
людей пугая
и мерзких кляч,
я над минувшим,
давно уснувшим,
устрою плач.

То спотыкаясь,
бесцельно каясь,
ищу ключи,
то вместе с пылью,
сложивши крылья,
ношусь в ночи.

1997

2. Наступление ночи

Угасая, заря
пролила на поляны
слабый свет полупьяный,
печаль сотворя.

Угасая, закат
обернулся мотивом,
что не слышен почти вам
и течёт наугад.

Красноватые сны
разместились в откосах,
там, где скрючился посох
истомлённой сосны.

Сновиденья внизу
сверлят ум нездоровый
и в усталом глазу
соберутся слезою багровой.

1997

3.

Душа моя прикинулась больной,
как прежде, из-за женщины одной.
Мой разум почему-то не в порядке,
той женщины мне вреден образ сладкий.

От женщины я чахну, как свеча.
От женщины я дал бы стрекача.
Я спрятаться хотел бы в отдаленье,
скорейшего я жажду исцеленья.

И вот – я на дистанции бегун.
И всё-таки, в ногах моих чугун.
Лишь время непоседливое мчится,
я с женщиной не в силах разлучиться.

Но может быть, разлука не нужна;
тогда какого я хочу рожна?
По-прежнему в душе осколки лезвий
и бедный ум шатается нетрезвый.

1997

4.

Вот сон большой и чёрный
засыпал жизнь мою,
конец привычкам вздорным –
в могиле я гнию.

Я ничего не вижу,
не плачу, не чешусь,
не помню, что унижен,
и боли не страшусь.

Я словно в колыбельке
(о, мать моя, прости!),
а скверный дождик мелкий
пробрался до кости.

1997

5.

Неба замершего объём
безлюдно-синий.
Птицы, плакавшей о своём,
нет в помине.

Дремлет дерево у ручья
в равновесье.
Здесь струится вода ничья
и плачу здесь я.

Жизнь проходит, слышна едва,
тихим летом.
И у колокола голова
гудит об этом.

Старость облаком надо мной
повисла белым,
обморозивши свет дневной
между делом.

1997

6.

Лунное зарево,
заревое спящее,
дерево залило
кривостоящее,

пристань озерную,
скрытую рощею,
рытвины черные,
лужицы тощие,

облако рваное,
звездное, млечное
и расставание
наше навечное.

1997–2017

ПРОЩАНИЕ СО СТИХАМИ

1. Эпитафия самому себе

Я кружусь в межзвездном крематории,
в невесомом чудном колумбарии,
я попал под колесо истории...
Кто я был – обыкновенный пария,
ну, играл немного на гитаре я,
ресторанчик посещал «Астория»,
а теперь я – смесь урана, тория
с добавлением изотопа бария.

2015

2. Маленькие зеркала

Умирает человек.
Осколки его личности,
как маленькие зеркала
ещё блестят и светятся
из других людей,
даже из тех,
кто не знал его.

2015

3.

Наша смерть не будет страшной,
как рисунок карандашный
нас сотрет с лица Земли...

2002

4. Облака

Облака одутловатые
проплывают надо мной.
Белоснежно-белой ватою
уплывают в мир иной.

Отчего б не стать мне перистым,
вроде облака-гуся?
И проплыть над тонким деревцем,
в грустном воздухе вися?

2017

5. Песчаная улица

Вдоль дальней улицы Песчаной
(ну, как ее ни назови)
он от любви шатался пьяный
и сумасшедший от любви.
На дальней улице Проезжей,
где липы старые цвели,
лишь утро светлое забрезжит,
он отрывался от земли.
С тех пор прошло почти полвека,
и как узнаем мы его?
От той любви у человека
осталось вряд ли хоть чего.
Вот он по улице Негожей
идет, досадой обуян,
в худом пальте, с небритой рожей,
в дымину пьян.

2017

6. Поэт и пакет от печенья

У синего моря грелся поэт
на жарком каменном стуле.
А птица в небе плела пируэт,
и дело было в июле.
«Мир разумен всегда и везде, –
заметил поэт-философ, –
птица – в небе, рыба – в воде,
капуста застряла в моей бороде,
и нет нерешенных вопросов.»
Но тут приплывает к поэта ногам
прозрачный пакет от печенья,
в пакете – записка: «К чужим берегам
несет нас течение!»
Спасите нас всех от мученья!»
Неспешно поднялся философ-поэт,
суровый и стойкий,
и вместе с запиской приплывший пакет
отнес на помойку.
И долго-предолго смеялся он всласть
над жертвою бедствий.
Записки в бутылки положено класть,
он выучил в детстве.

2017

7. Поэт и дрозды

Поэт за что-то невзлюбил дрозда
и камень запустил во глубину гнезда.
Оттуда вмиг посыпались дрозды;
поэт, рогатки натянув бразды,
вскричал: «Я с детства нетерпим к дроздам,
за злую жизнь мою я им сейчас воздам!
Я памятник себе воздвиг, сшибая гнезда,
пусть слухи обо мне овеивают звезды;
в рогатку зарядил я каменный булыжник,
с дроздами я борец и подлинный подвижник...»
Тут самый старший дрозд, задрав в полете лапу,
прислал ему ответ на войлочную шляпу.
Настолько был ответ обильный и вонючий –
казалось, с высоты его извергли тучи...
Сконфуженный поэт бежал быстрее лани,
он к сердцу прижимал испачканные длани
и думал: «На меня вам не найти узды.
Вернусь и отомщу, проклятые дрозды.»

2017

8. Лимерики

Никогда не бывал я в Америке,
никогда не писал я лимерики.
Нацепил я парик,
написал лимерик...
Вижу: публика бьется в истерике.

* * *

Обнаружив в салуне холуйствие,
посетитель ударился в буйствие.
Он схватил контрабас
(кому в пах, кому в глаз!)
и надеялся вызвать сочувствие.

* * *

В пиджаке аккуратно застегнутом
отразился я в зеркале вогнутом:
вместо шеи – вопрос,
с ухом сросшийся нос...
Сам себя ощутил я инкогнитом.

2017

9. Ностальгия

Не хочу читать Бодлера,
разрази его холера;
что касается Верлена –
был он лысый как колено.
Зря купил себе Гюго,
не осилить мне его.
А кругом одни Рембрандты,
адюльтеры, обскуранты,
и такое Пикассо,
что глазеешь как баран ты
здесь на жизни колесо...

2017

10. Трапеза

Задумчивые гении,
вкусившие овации,
в волшебном офигении
сидят, зубами клацая.
Они смыкают челюсти,
осматривая части,
их старческие прелести
испытывают счастье.
Выкручивают крылышки,
выдергивают перья;
с недюжинною силушкой,
не без высокомерья.
Потом – на сковородочку,
кладут лучок к затылку,
плеснут в стаканчик водочку,
а в бок втыкают вилку.

2017

11. Поиски рифмы

Со мной приключилось несчастье в Нью-Йорке:
я там не заметил банановой корки.
Потом заглянуть я собрался в Чикаго,
но мне та поездка пошла не во благо.
В Париже я был, и я был в Амстердаме,
и чуть не женился на ихней я даме...
Мне тут говорят: «Мол, пожалста, не врите!»
А я, между прочим, был также на Крите.
Да, всюду чужой, я мотаюсь по свету,
ненужный людям и нигде не пригретый.
Вот, с горя надумал заехать в Бруклайн,
и был ни за что, понапрасну облаян...

2017

12. Истребитель поэтов

Жил-был на свете
поэт-середняк.
Не кулак, не бедняк,
а так...
Но Критик в Кожанке
привел отряд
и начал все забирать
подряд.
Ямб забрал, а потом хорей.
Всех гусей забрал, а потом – курей.
С огорода – морковку унес, свеклу,
а потом вскричал:
– Всех прошу к столу!
И сказал:
– Отдавай, середняк, Пегаса,
мы пустим его на мясо!

2017

ПОВТОРНОЕ ПРОЩАНИЕ СО СТИХАМИ

1. Желание стать поэтом

Я в квартире намусорил,
результатом смущен...
Чтобы сблизиться с музами,
нужно сору еще!
Окатил я помоями
стол, диван и буфет.
Жду. Скучаю. По-моему,
вдохновения нет!
Тапки плавают рыжие,
в коридоре кружа...
Муза Павловна с нижнего
приплелась этажа.

2017

2. Стих о здоровом питании

Вот я купил продукту сырного
и стал надменен и суров.
Продукту взял еще кефирного
и сразу сделался здоров.

Мне не нужны ненатуральные
мангуст, лангуст и патиссон.
Их содержание аморальное
испортит только закусон.

Вот я иду походкой чинною,
как прежде, молод и упруг.
Своей улыбкой беспричинною
я освещаю все вокруг.

2017

3. Стих про Икара

Хорошо лететь Икаром
над телятами с Макаром,
наблюдаючи с укором,
как мычат бедняги хором...
Едут греки через реки,
раки свищут на горе.
Там, внизу, у них навеки
жизнь застыла в янтаре.

2017

4. Операция

Ну почему такой он длинный,
которым вечно я ворчу,
из-за него теперь с повинной
иду к врачу.

Любезный доктор, этот орган
опасной сделал жизнь мою.

Он доведет меня до морга,
в родном краю.

Отрежь хотя бы половину,
любую часть.

В словах, извергнутых лавиной,
не дай мне пасть.

* * *

Открой-ка пасть свою пошире,
мне добрый доктор говорит.

Сейчас на раз-два-три-четыре
все приведем в прекрасный вид.

* * *

И вот, довольный и задумчивый,
киваю молча головой.

И только в самом крайнем случае
я издаю чуть слышный вой.

2017

5. Ночная бдительность

*Этот стих я обсуждал когда-то
с дорогим мне человеком – Ирэнной Орловой.
Она запретила мне посвящать его
некому господину Э.*

Глядь! На улице ни зги.
Згу украли всю враги.
В кране тоже нет воды;
Так недолго до беды...
(А вы что подумали?)
Мошенники, двурушники,
Приспешники, мокрушники...
Нет ни звезды, ни месяца,
Ни свечечки-фонарика,
Во мраке гады бесятся,
Нужна им, гадам, паника.
Пропало освещение –
Мерзавцам нет прощения.
Все –
дети и родители –
Шпионы и вредители.
Они на нашей улице
Во тьме замаскируются,
Поднимут воротник,
Чтоб гнусную фиговину
Под музыку Бетховена
Упрячивать в тайник.

13.13.1937

Литературно-художественное издание

ЛОКШИН Александр Александрович

БОЛТОВНЯ ГЛУХОНЕМЫХ

Сборник стихотворений

4-е издание, исправленное и дополненное

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *Н. С. Давыдова*

На обложке использован рисунок автора “Поэт и Муза на прогулке”

Подписано в печать 06.09.2019 г.

Формат 84х108 1/16. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 30 экз. Изд. № 193.

Издательство ООО «МАКС Пресс».

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,

МГУ имени М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.

Тел.8(495) 939-3890/93. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.